

Три письма Андрея Бѣлаго

Переписка Андрея Бѣлаго со временемъ будетъ, конечно, собрана и напечатана полностью. Сейчасъ мнѣ хотѣлось бы лишь положить начало этому дѣлу, подѣлившись съ читателями «Современныхъ Записокъ» тремя документами изъ числа тѣхъ, которые у меня имѣются. Каждому изъ нихъ я предпощлю нѣсколько пояснительныхъ словъ. Сверхъ того въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ я даю нѣсколько мелкихъ поясненій и оговариваю нѣкоторыя особенности рукописей, воспроизводимыхъ съ сохраненіемъ орѳографіи и пунктуациі. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве не слѣдуетъ видѣть педантизма: поправки, описки, знаки препинанія, а порой и орѳографическія ошибки немало свидѣтельствуютъ о душевномъ состояніи пишущаго.

Первое изъ предлагаемыхъ писемъ привезено мною изъ советской Россіи. Въ ночь съ 3 на 4 августа 1921 г. (со вторника на среду) былъ арестованъ Гумилевъ, о чемъ я узналъ поутру, а въ три часа дня ко мнѣ прибѣжала поэтесса Надежда Павловнѣ и сообщила, что у Блока началась агонія. Въ тотъ же день подъ вечеръ мнѣ предстояло ѣхать въ Порховскій уѣздъ Псковской губерніи. Во Псковѣ мнѣ пришлось двое сутокъ ждать пересадки на Порховъ, и я, тревожась о Блокѣ, написалъ Бѣлому, чтобы онъ меня извѣстилъ о ходѣ болѣзни. Печатаемое письмо и есть отвѣтъ на мой запросъ.

Между словами Павловнѣ и сообщеніемъ Бѣлаго есть нѣкоторыя противорѣчія, которыхъ я разрѣшить не берусь. Павловнѣ сказала мнѣ, что агонія началась въ среду; Бѣлый пишетъ, что Блоку особенно плохо стало съ понедѣльника, возможно, что оба правы, то-есть, что уже въ понедѣльникъ Блоку стало особенно плохо,

а полная агонія началась со среды. Возможно и то, что Павловичъ лишь въ среду узнала о томъ, что домашнимъ Блока было извѣстно уже съ понедѣльника. Но можно предположить ошибку со стороны Бѣлаго, который гостилъ въ Царскомъ Селѣ и пріѣхалъ въ Петербургъ лишь на другой день послѣ смерти Блока; судя по помаркамъ въ письмѣ, Бѣлый даже не зналъ точно, въ какой именно день Блокъ умеръ; послѣ нѣкоторыхъ колебаній, онъ остановился на 8 сентября — и неудачно, потому что это было 7-го.

Второе расхожденіе заключается въ слѣдующемъ. Бѣлый пишетъ, что Блокъ умеръ въ полномъ сознании. Между тѣмъ, Павловичъ подѣ строгою тайной сообщила мнѣ, что «Блокъ сошелъ съ ума» (ея точное выраженіе). Правдивость Павловичъ не подлежитъ сомнѣнію. Однако, возможно, во-первыхъ, что передъ самой кончиною сознание къ Блоку вернулось. Но возможно, что Бѣлому была сообщена лишь «официальная» версія. Наконецъ, не исключено и то, что Бѣлый зналъ правду, но не зналъ, что и я о ней знаю, а потому въ письмѣ ко мнѣ изобразилъ событія такъ, какъ ихъ хотѣла представить мать Блока. Впослѣдствіи, при личныхъ свиданіяхъ, мнѣ не случилось говорить съ Бѣлымъ на эту тему.

Слова о томъ, что Блокъ «задохся» въ воздухѣ 1921 года, впослѣдствіи повторялись многими много разъ. Судя по тому, что въ письмѣ ко мнѣ это слово сказано уже черезъ день послѣ смерти Блока, и потому, что не въ духѣ Бѣлаго было повторять сказанное другими. — я увѣренъ, что это выраженіе именно ему первому и принадлежитъ. Очень вѣроятно, что на панихидахъ и на похоронахъ онъ не разъ это слово повторилъ (что какъ разъ было въ его обычай) — и такимъ образомъ оно получило распространеніе.

I.

9 августа 21 года.

Дорогой Владиславъ Фелиціановичъ,
пріѣхалъ лишь 8 августа изъ Царскаго: засталъ Ваше письмо. Отвѣчаю: — Блока не стало. Онъ скончался 8*)

*) Эта цифра вписана надъ строкой, послѣ того, какъ въ строкѣ она нѣсколько разъ переѣлывалась: 8. 7 и опять 8.

августа въ 11 часовъ утра послѣ сильныхъ мученій: ему особенно плохо стало съ понедѣльника. Умеръ онъ въ полномъ сознаніи. Сегодня и завтра панихиды. Выносъ тѣла въ среду 11-го въ 10 часовъ утра. Похороны на Смоленскомъ кладбищѣ.

Да! —

— Что жъ тутъ сказать? Просто для меня ясно: такая полоса; *) онъ задохся ютъ очень труднаго воздуха жизни; другіе говорили вслухъ: «Душно». Онъ просто замолчалъ, да и... задохся.

Эта смерть для меня — роковой часовъ бой: чувствую, что часть меня самого ушла съ нимъ. Въдѣ вотъ: не видались, почти не говорили, а просто «бытіе» Блока на физическомъ планѣ было для меня, **) какъ органъ зрѣнія или слуха; это чувствую теперь. Можно и***) слѣпымъ прожить. Слепые или умираютъ или просвѣтляются внутренно: вотъ и стукнуло мнѣ его смертью: пробудись, или умри: начнись или кончись.

И встаетъ: «быть или не быть».

Когда душа просилась ты
Погибнуть, иль любить...

Дельвигъ.

И душа просить! любви или гибели; настоящей человѣческой, гуманной жизни, иль смерти. Оранжевымъ душа жить не можетъ. И смерть Блока для меня это зовъ «погибнуть иль любить».

Онъ былъ поэтомъ, т. е. человѣкомъ вполнѣ; стало быть: поэтомъ любви (не въ пошломъ смыслѣ). А жизнь такъ жестока: онъ и задохся.

Эта смерть — первый ударъ колокола: «поминальнаго», или «благовѣстящаго». Мы всѣ, какъ люди вполнѣ, «на роковой стоимъ очереди»: «погибнуть, иль... любить». Душой съ Вами. Б. Бугаевъ.

*) Здѣсь было слово «просто», но затѣмъ зачеркнуто.

**) Здѣсь было слово «просто», но зачеркнуто, какъ и въ предыдущій разъ.

***) Первоначально было: «силы».

**

Осенью 1921 г. Бѣлый поѣхалъ изъ Россіи въ Германію. Однако, у него не было германской визы, въ хлопотахъ о которой онъ довольно надолго задержался въ Литвѣ. Нижеслѣдующее письмо написано имъ изъ Ковно, какъ разъ въ этотъ періодъ. Оно обращено не ко мнѣ, а къ другому лицу, которое находилось въ Западной Европѣ, гдѣ провело все время войны и революціи. Это письмо не было отправлено по адресу. Бѣлый мнѣ отдалъ его въ 1923 году вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими документами. Оно очень обширно: содержитъ двадцать страницъ большого формата, исписанныхъ мелкимъ, убогистымъ почеркомъ. Я печатаю его съ большими сокращеніями (приблизительно наполовину), исключивъ все то, что по обстоятельствамъ момента не можетъ быть опубликовано, и сохранивъ лишь то, что составляетъ рассказъ Бѣлаго о его жизни съ 1918 по 1921 годъ. Этотъ рассказъ тѣсно связанъ съ главнымъ содержаніемъ письма, но имѣетъ и вполне самостоятельный интересъ. Пропуски, мною сдѣланные, вездѣ обозначены многоточіями, заключенными въ квадратныя скобки. Нѣкоторыя имена собственные я счелъ нужнымъ обозначить инициалами по обычнымъ причинамъ.

II.

11 ноября 21 года. Ковно.

[....] до Рождества 1918 года я: 1) читалъ курсъ лекцій, велъ семинарій съ рабочими, разрабатывалъ программу Театр. Университета, читалъ лекціи въ нетопленномъ помѣщеніи «Антр[опософскаго] О-ва», посѣщалъ засѣданія О-ва; — а съ января 1919 года: я все бросилъ: посѣщеніе О-ва, чтеніе лекцій для интересующихся Антропософіей; легъ подъ шубу; и — пролежалъ въ полной простраціи до весны, когда оттепель немного согрѣла мою душу и тѣло...

[....] Это чувство невозможности открыто разговаривать съ Тобой до личнаго свиданія (а гдѣ, когда оно будетъ?) соотвѣтствуетъ ощущенію каждаго русскаго, попадающаго за границу и выслушивающаго вопросы со стс-

роны людей, долго въ Россіи не бывшихъ: «Ну что же въ Россіи?» И — дѣлается неловко и мучительно: вѣдь спрашивающій — младенецъ, ничего не понимающій; заговорить «правдиво» съ нимъ невозможно: «неугасимую ярость» къ инымъ типамъ изъ коммунистовъ истолкуетъ онъ чего добраго, какъ «большевизмъ»; ясную свѣтлость и примиренность (итогъ мученій) истолкуетъ, какъ «бей жидовъ» чего добраго; и приходится вымучивать изъ себя готовые, трафаретныя фразы: что Россія сдала экзаменъ, что Россія, быть можетъ, впервые родилась въ нашемъ чувствѣ глубочайшаго страданія, что «буди, буди» Достоевскаго становится уже «естъ» — да разнѣ такой человѣкъ пойметъ? Онъ ребенокъ; и не намъ, старикамъ, вынесшимъ на плечахъ 1917, 1918, 1919, 1920, 1921 годы, рассказать о Россіи. И хочется говорить: «Да, вотъ, — когда я лежалъ 2½ мѣсяца во вшахъ, то мнѣ...» Тутъ собесѣдникъ перебьетъ: «Ахъ, ужасъ: и вши по васъ ползали?» Посмотришь, и скажешь снисходительно: «Ползали, ползали: 2 недѣли лѣчился отъ экземы, которая началась отъ вшей» и т. д. Или начнешь говорить: «Когда у меня за топкой перегородкой кричалъ дни и ночи тифозный». И опять перебьютъ: «Ахъ, вы жили съ тифознымъ!» Опять улыбнешься и скажешь: «Да, жилъ: и ходилъ читать лекціи, готовился къ лекціямъ подъ крикъ этотъ!»...

[....] Всѣ мы въ 1919 году были полны этой тьмой: въ Москвѣ разстрѣляли Астровыхъ, Щепкина, Пашуканиса, Михаила Анатол. Мамонтова, сошелъ съ ума отъ голода Юрочка Веселовскій, профессоръ Хвостовъ перерѣзалъ себѣ горло въ припадкѣ меланхоліи; не было дома безъ тифознаго. Въ комнатахъ стояла температура не ниже — 8° мороза, но и не выше 7° тепла. Москва была темна. По почамъ растаскивали деревянные особняки: А. С. П. красть чужія польня растапливать печурку и т. д.; прожиточный минимумъ стоилъ не менѣе 15.000 рублей (теперь 600.000, не менѣе), а мама получала лишь 200 рублей пенсії, жила еще безъ печурки въ комнатѣ при 0° (и — ниже), каждый день выходя на Смоленскій Рынокъ продавать старье свое (я ей отдавала все, что могъ, но этого было мало). Я жилъ это время вотъ какъ: —

— въ небольшой комнатѣ, окруженный С-ми (за стѣной — баранье бляенье М. И. С-ой и брюзжанье В-ва; за другой — отвратительное клохтанье старухи матери С-

ой); у меня въ комнатѣ, въ углу была свалена груда мѣхихъ рукописей, которыми 5 мѣсяцевъ подтапливали печку; всюду были навалены груды г-вскаго старья, и моя комната напоминала комнату старьевщика; среди мусора и хлама при температурѣ въ 6-4°, въ зимнихъ перчаткахъ, съ шапкой на головѣ, съ коченъющими до колѣнъ ногами просиживалъ я при тусклѣйшемъ свѣтѣ перегорѣвшей лампочки или готовя матеріалъ для лекцій слѣдующаго дня или разрабатывая мнѣ порученный прое́ктъ въ Т. О. (Театралън. Отдѣлъ), или пишучи «З а п и с к и ч у д а к а», въ изнеможеніи бросаясь въ постель часу въ 4-омъ ночи; отчего просыпался я не въ 8, какъ С-вы (глубокіе мѣшчане, мѣшанствомъ загнавшіе меня въ уголь), а въ 10 и мнѣ никто не оставлялъ горячей воды; такъ, безъ чаю подчасъ, дрожа отъ холода я вставалъ и въ 11 бѣжать съ Садовой къ Кремлю (гдѣ былъ Т. О.), попадая съ засѣданія на засѣданіе (я тогда завѣдовалъ Научно-Теор. секціей); въ 3½ отъ Кремля по отвратительной скользкой мостовой, въ чужой шубѣ, душившей грудь и горло, я тащился къ Дѣвичьему Полю, чтобы пообѣдать (обѣдъ лучше «совѣтскаго», ибо кормился я въ частномъ домѣ — у друзей — Васильевыхъ). Послѣ обѣда надо было «переть» съ Дѣв. Поля на Смоленскій Рынокъ, чтобы къ ужину заpastись «гнидыми лепешками», толкаясь среди вшивой, воню-*) толпы и дохлахъ собакъ (помню вывѣску на углу «Все для желудка» — развѣ посмотрѣлъ въ окно, что такое это «все»; это были — пустыя бутылки: матерія потребленія утекла для нихъ; и это называлось: «Все для желудка»...); оттуда, со Смоленскаго Рынка, тащился часовъ въ 5-6 домой, чтобы въ 7 уже бѣжать обратно по Поварской въ Пролетъ-Культь, гдѣ училъ молодыхъ поэтовъ и ѣвнить поэзію Пушкина, увлекаясь ихъ увлеченіемъ поэзіей; и уже отсюда часовъ въ 11 брелъ домой, въ абсолютной тьмѣ, спотыкаясь о невозможные ухабы; и почти плача оттого, что чай, который мнѣ оставили опять простывъ, и что ждеть холодъ, отъ котораго хочется кричать.

Пойми, — такъ продолжалось: не день, не два, а рядъ мѣсяцевъ, въ которыхъ каждый часъ — терзаніе: на холодные, огромные дома, въ которыхъ попались водопроводы (и квартиры заливались то водой то нечистотами)

*) Послѣ переноса слово недописано.

— на дома сыпался снѣгъ; и — казалось: засыпаетъ засыпаетъ, — навсегда засыпаетъ; и каждая снѣжинка, казалось, отдѣляетъ разстояніе между этой унылой тьмой сплошныхъ физическихъ и нравственныхъ мученій и тѣмъ, гдѣ «все, что сердцу мило» [...] Вспоминалось «Winterreise» Шуберта; и высѣкался свѣтъ; и я находилъ все же силы: читать лекціи, которыя *) въ людяхъ зажигалась надежда (люди ждали моихъ лекцій, какъ нравственной поддержки въ ихъ тѣмѣ); и я, перемога тьму, давая другимъ силу переносить тьму, не имѣя этой силы, и какъ бы протягивая руки за помощью [...] Я ждалъ нравственной помощи: вѣдь мы [...] должны были для Васъ выглядѣть умирающими: вѣдь дѣйствительно: холодъ, голодъ, аресты, тифъ, испанка, нервное переутомленіе сводило вокругъ въ могилы цѣлыя шеренги людей. Я думалъ, что изъ чувства естественнаго человѣческаго сожалѣнія или просто духовной чуткости — вы [...] должны были бы понять, въ чемъ мы. «Трахъ!» [...] А я и сказать ничего не могъ о томъ, въ какихъ тяготахъ мы живемъ: цензура писемъ!

[...] Оставалось воскликнуть словами Гиппюсъ: «Ничего не понимаютъ!»

[...] А теперь: вотъ я вырвался, — и меня не пускаютъ въ Германію; и не къ кому обратиться. Докторъ Штейнеръ сейчасъ въ Берлинѣ (это я знаю, по объявленію лекцій его в «Berliner Tageblatt»). Мнѣ всѣ говорятъ, что онъ въ 24 минуты могъ бы устроить мнѣ визу, чтобы изъ «Auswertiges Amt» въ Ковно мнѣ была послана виза; но наученный опытомъ, что такого «великаго человѣка» не беспокоятъ по пустякамъ [...] и не напишу ничего «великому человѣку» — изъ гордости и изъ недовѣрія. [...] Въ Ковно мнѣ долго жить нельзя (транзитная виза); и мнѣ остается уѣхать обратно въ Россію, если люди, безмѣрно менѣе вліятельные, чѣмъ Штейнеръ, не сумѣютъ мнѣ достать визы. Можетъ быть, когда Ты получишь это письмо, я уже буду опять въ Россіи. И на этотъ разъ уже никуда не поѣду. Прощай. Б.

*) Передѣлано изъ: «въ которыхъ». Повидимому, написавъ сначала: «въ которыхъ въ людяхъ зажигалась надежда», Бѣлый началъ исправлять фразу, чтобы получилось: «которыя въ людяхъ зажигали надежду» — но исправленій не докончилъ.

P. S. И опять пишу Тебѣ.

[....] Вотъ списокъ цѣвъ въ Москвѣ и Петербургѣ за продукты: фунтъ сомнительнаго хлѣба (въ Петербургѣ смѣшаннаго съ мохомъ) — 3.000. Коробка спичекъ — 1.200 рублей; 10 папиросъ — отъ 1.000 (дряняѣйшія) до 2.500 (болѣе сносныхъ); крошечная буточка бѣлая — 3.000; маленькій пирожокъ сладкій — 4.000; сажень дровъ 1.000.000. Проѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ 150.000 р. (а когда уѣзжалъ, то цѣны скакнули: проѣздъ долженъ былъ стоить 700.000 рублей); пара дрянныхъ ботинокъ — отъ 600.000, 700.000 до милліона. И т. д.

Ужасно! Подумай, какъ живутъ въ Москвѣ? Я пять лѣтъ не могъ сшить себѣ шубы; такъ и ходилъ въ чужой шубѣ, жалѣя, что свою старую оставилъ въ Швейцаріи; мои невыразимые были въ такомъ состояніи все лѣто, что я долженъ былъ все лѣто ходить въ русской рубашкѣ, чтобы прикрыть неприличіе своихъ панталонъ, а когда наступила осень, я сталъ простужаться отъ легкой одежды; мнѣ пришлось вооружиться иглой и нитками (катушка нитокъ — 20.000) и просидѣлъ 2 вечера за штопаньемъ, абсолютно не умѣя справиться съ одеждой (нужно было быть искусной мастерицей, а я едва владѣю иглой). Въ такихъ панталонахъ читалъ лекціи, появлялся въ публичныхъ мѣстахъ, предсѣдательствовалъ на многочисленныхъ собраніяхъ; шляпа моя — была драная; мы всѣ выглядѣли оборванцами; очереди получить что-либо отъ казны таковы, что ждуть годами; 3 дня въ Петроградѣ ходилъ въ туфляхъ, ибо сапогъ не было.

[....] Я бы погибъ, если бы отдѣльные добрыя души (чаще женскія) иногда добровольно мнѣ не помогали. т. е. немного заботились о тысячахъ мелочей нашей усложненной хозяйственной жизни.

Подумай: вездѣ хвосты; Ты получаешь карточки на все; и долженъ слѣдить за всѣмъ: когда выдаются спички, селедки, хлѣбъ, папиросы; о днѣ выдачи опубликовывается въ газетахъ; далѣе узнавъ ты долженъ за получениемъ 2 коробокъ спичекъ, или $\frac{1}{2}$ фунта хлѣба во время занять мѣсто въ очереди передъ продовольственной лавкой; и иногда часами стоять на дождѣ, морозѣ и т. д. Сегодня выдаютъ спички, завтра 2 селедки, послѣзавтра $\frac{1}{2}$ ф. хлѣба и т. д. Изъ хвоста — въ хвостъ. Подумай, а у меня по 6 засѣданій въ день; у кого семейство — пошлютъ сына; онъ — отстоять; а когда человекъ одинъ,

онъ долженъ и стоять въ хвостахъ, и служить; и вернувшись домой натаскать дровъ, наколоть дрова; и пуститься въ хвосты.

Естественно, что я манкировалъ всюду: напимѣрь узналъ, что 20 огромныхъ селедокъ выдаютъ писателямъ гдѣ-то на Мясницкой въ часъ, когда у меня было отвѣгственное дѣло, — пропали селедки. Самой простой вещи, таскальнаго мѣшка у меня не было, пока мнѣ одна дама не сшила его (уже передъ отъѣздомъ); вѣдь сколько пришлось перетаскать на спяиѣ.

Вотъ какъ я жилъ съ осени 1919 года до февраля 1920 года: намучившись ледяной с-вской комнатой 1918-1919 года я переѣхалъ къ тройнымъ рамамъ одной квартиры, гдѣ жила моя знакомая писательница N (бывшая хлыстовка и «распутинка», а нынѣ нервная, капризная эвроманка, хотя — добрый человекъ). Она приютила меня вродѣ какъ изъ милости въ комнату, имѣвшей лишь 2 шага въ длину и 1½ въ ширину; комнату замазали; форточки т. е. вентиляци въ ней не было. Книги, рукописи лежали грудами на полу (не было ни шкафа, ни комода): постель, столъ, кресло; и — все. Комнату топили дровами черезъ день или черезъ 2; температура стояла сносная отъ 7 до 9 градусовъ; но въ дни топки я рисковалъ умереть отъ угара, ибо печка просачивала угаръ. Въ квартирѣ порой стоялъ крикъ хозяйки, пронизывающій мои стѣны; кромѣ того, очень часто въ моей печкѣ варился нашъ обѣдъ т. е. часто готовили у меня; и открывая утромъ глаза, я заставлялъ мою хозяйку въ дезабильтѣ, сидящей передъ печкой и что-то варящей тамъ не взирая на то что я не одѣтъ. Картофель мѣшался съ рукописями, а когда разъ я уѣхалъ на нѣсколько недѣль и потомъ вернулся, я увидѣлъ, что ряда листовъ цѣннаго матеріала, собраннаго въ музеяхъ, — нѣтъ: вѣроятно, имъ завертывали селедки. Днемъ я бѣжалъ отъ Прѣсни къ Историческому и Рум[янцевскому] Музею сидѣлъ въ температурѣ 0 и ниже 0 дѣлая выписки, пока ноги не оцеснѣвали до колѣнъ; тогда я читалъ, прыгая отъ холода. Возвращался въ 5 часовъ въ свою комнатушку. Въ то время я читалъ въ А[нтропософскомъ] О-вѣ курсъ «Антропософія» въ помѣщеніи, гдѣ отъ холода леденѣлъ мозгъ и гдѣ всѣ сидѣли въ шубахъ и шапкахъ; тѣмъ не менѣе: когда одинъ старикъ, почтенный человекъ, В. А. Паппе, уже старикъ, умиралъ отъ испанки, то онъ умеръ съ ро-

зенкрейцерскимъ лозунгомъ на устахъ: такъ людямъ были нужны мои лекціи; и я думаю, что наша Антр. работа была очень цѣнна, ибо мы поднимали духъ въ чело-вѣкѣ, а этимъ духомъ только и отапливались люди. Тѣмъ не менѣе, я съ Рождества бросилъ курсы: не могъ его выдержать; тягота и физич. страданія бременили меня. Мой хозяинъ за тонкой стѣнкой заболѣлъ тифомъ: и днями, и ночами кричалъ въ безпамятствѣ. И вотъ среди варки обѣда, угаровъ печки, картофеля, супа и истерическихкихъ воплей хозяйки я долженъ былъ раскидывать свои груды рукописей; и — работать.

[...]

Этихъ горькихъ минутъ личной покинутости («Б о ж е мой, за что Ты оставилъ меня!») я не забуду. Наконецъ я не выдержалъ, сорвался и бѣжалъ изъ Москвы въ Петербургъ (усталый, разбитый); и — февраль, мартъ, апрѣль, май, июнь я какъ волъ заработалъ въ нашей Петербургской «В о л ъ ф и л ѡ...» *) [...] какъ за меня тамъ цѣплялись десятки душъ, которыхъ я общалъ къ «самопознанію»: меня буквально выпили; и выпитый, я кинулся обратно въ Москву, потому что уже не могъ давать ничего людямъ (въ Петербургѣ я прочелъ до 60 лекцій), опять попадая въ Москву и опять окруженный крикомъ: «Дай, дай, дай, дай ду х о в н о й п и щ и!» [...] не легко было эту пищу давать, потому что я то ни отъ кого не получалъ н и ч е г о... Не забудь, что одновременно, въ то же время я неустанно хлопоталъ о выѣздѣ: меня не пустили въ февралѣ 1920 года; потомъ въ августѣ 1920 года не пустили вторично, и въ сентябрѣ меня подобралъ А. И. Анненковъ и увезъ жить за Москву къ себѣ на заводъ; отсюда я дѣлалъ выѣзги на лекціи (которыми жилъ я матеріально и которыми жили морально многія души); съ сентября до января: я написалъ книгу по ф и л о с о ф і и к у л ь т у р ы и черновикъ Э п о п е и (1-го тома); работая безумно много, до нервнаго изнеможения; книга по «Ф и л о с о ф і и К у л ь т у р ы» потеряна **) (это была

*) «Вольная философская ассоціація», основанная въ 1920 г. и существовавшая до 1925 г.

**) Вслѣдствіи она отыскалась и была доставлена Бѣлому въ Берлинъ, но напечатать ее ему не удалось. Она до сихъ поръ находится въ рукописи.

лучшая моя книга теоретическая: антропософское обоснованіе культуры: не я потерялъ, но мнѣ потеряли ее — Виноградовъ, который хотѣлъ для меня снять копию); а вторую книгу, мной написанную, «Толстой и культура» увезъ латвійскій спекулянтъ (печатать за границу) за миллионъ аванса (списка снять не было времени); и — исчезъ безслѣдно: и эта книга потеряна.

Видишь, мнѣ не везло.

Въ декабрѣ я упалъ въ ваннѣ и 10 дней таскался въ Москву изъ подъ Москвы, пока не сдѣлалась воспаленіе надкостницы крестца и не обнаружилось, что я раздробилъ крестецъ: меня сволокли въ больницу, гдѣ я 2½ мѣсяца лежалъ, покрытый вшами. И я опять рванулся изъ Москвы, опять попалъ въ Петроградъ; опять съ марта до сентября впрягся въ работу «Вольфиды» — съ какими же силами? Опять хлопоталъ объ отъѣздѣ; и опять не пустила чрезвычайка (въ июнѣ); тогда я нервно заболѣлъ; меня лѣчилъ невропатологъ проф. Троицкій; тутъ я рѣшилъ бѣжать, но и объ этомъ узнала чрезвычайка; и побѣгъ — рухнулъ. Тутъ умеръ Блокъ, расстреляли Гумилева; и — устыдились: молодежь стала кричать: «Пустите Бѣлаго за границу а то и онъ какъ Блокъ умретъ!» Друзья надавили; и — пустили.

[...] какъ провожала меня молодежь въ Петербургѣ, какія слова благодарности я слышалъ (Кто то изъ публики мнѣ крикнулъ: «Милый, Котикъ Летаевъ, — когда вамъ будетъ одиноко тамъ, помните, что мы, здѣсь, васъ любимъ!» Такъ же меня провожали въ Москвѣ: представители студій, писатели; молодежь. Да, [...], меня крѣпко любить Россія!»

Но я все бросилъ: рванулся [...]

И сижу закупоренный въ Ковно безъ цѣли и смысла, безъ отдыха, но и безъ дѣла: можно эдакъ просидѣть энное количество мѣсяцевъ. Визы еще нѣтъ изъ Берлина. Нужно, чтобы Auswertiges Amt дало разрѣшеніе, а разрѣшенія — нѣтъ. Докторъ могъ бы въ 24 часа меня выпарывать отсюда; онъ — въ Берлинѣ, но... «великаго челоуѣка» не безгокоять по пустякамъ. [...]

И мнѣ остается ѣхать обратно, ибо въ Россіи есть хоть смыслъ пасть отъ усталости, а здѣсь, въ Ков-

но, нѣтъ никакого смысла сидѣть. Уже прочелъ 3 лекціи. Срокъ права на жительство — до 17.

P. S. Кажется, — все же прорвуся въ Берлинъ (пишу это 12-го); виза прислана, но нѣмцы въ Ковно выдвигаютъ новое требованіе: поручительство; и съ поручительствомъ налаживается, — но не знаютъ, какія еще новыя препятствія ждуть. Сейчасъ я такъ измученъ, что не думаю ни о чемъ, лишь бы устроиться гдѣ-нибудь въ Германіи: «отоспаться [...] — чтобы, отоспавшись, заработать надъ «Эпопеей»...

[...] все, что подлинно любить меня, все, чему я нуженъ, — въ Россіи. Русская эмиграція мнѣ столь же чужда, какъ и большевики; въ Берлинѣ я буду одинъ. Антроп[ософское] О-во? Но — нѣтъ, нѣтъ; тамъ я былъ бы браномъ въ стадѣ; моя работа въ Антропософіи — въ Россіи. Но Россія меня измучила.

Стало быть: я стараюсь, пока что разсматривать Ausland, какъ санаторій, въ которомъ мнѣ надо окрѣпить нервами, написать начатые книги, издать ихъ; [...]

Пока не буду въ Берлинѣ, не увѣренъ, что не придется ѣхать обратно.

Читаю послѣзавтра въ Ковенскомъ Городск. Театрѣ о Толстомъ (это моя 4-ая лекція здѣсь).

Ну, Господь съ Тобой.

P. S. Все, что я писалъ о Россіи, не рассказывай, что именно я писалъ: помни, что за нами, Русскими, и за границей слѣдятъ агенты Чрезвычайной Комиссіи. А я оставляю маму въ Россіи*), которую могутъ арестовать за меня; да и кромѣ того: обратнаго вѣзда не хочу испортить, ибо близкіе сердцу друзья — въ Россіи.

Литовцы очень милый народъ. Я сошелся съ Обществомъ Литовскихъ Художниковъ (включающее и литераторовъ); среди нихъ нашлись милые, тонкіе, сердечные люди. Литва переживаетъ начало строительства своей государственности. Литовскій языкъ очень звученъ и красивъ.

Двѣ мои лекціи (техническія) о худ. формѣ сильно запали въ сознаніе здѣшней молодежи; предсѣдатель драмат. секціи обратился ко мнѣ съ просьбой дать планъ организаціи работъ Литературно-Художественной Студіи т. е. программу литературныхъ курсовъ, постановку семи-

*) Мать Андрея Бѣлаго скончалась въ 1923 г. въ Петербургѣ.

наря: просили меня изъ Берлина прислать разработаннымъ этотъ планъ.

Познакомился съ очень симпатичнымъ литовск. общественнымъ дѣятелемъ, ксендзомъ Tumas'омъ и нѣкоторыми другими литовцами.

Послѣдніе дни въ Россіи въ слѣшкѣ выѣзда сорганизовалъ въ Москвѣ отдѣленіе «Вольной Философской Ассоціаціи» и провелъ первое засѣданіе. Меня выбрали безсмѣннымъ предсѣдателемъ Московскаго и Петербургскаго Отдѣленія, хотя я и уѣзжаю за границу. И въ Москвѣ, и въ Петербургѣ прочелъ нѣсколько лекцій въ послѣдній мѣсяцъ передъ отъѣздомъ; въ Петербургѣ: «Философія поэзіи Блока», «Воспоминанія о Блокѣ» и олять «Воспоминанія о Блокѣ»; и въ Москвѣ: «Поэзія Блока» и «Кризисъ культуры и Достоевскій».

Въ Совѣтѣ Петербургской Вольной-Фил.-Ассоціаціи я (предсѣдатель), Ивановъ-Разумникъ (Пом. предсѣдателя), А. Штейнбергъ (ученый Секретарь), Эрбергъ. Въ Совѣтѣ Московской «Вольно-Фил. Асс.» я (предсѣдатель), Столяровъ (пом. предсѣдателя), Шпеттъ (пом. предсѣдателя), Новомірскій (ученый секретарь). Среди дѣйствит. членовъ — Гершензонъ, Бердяевъ, Вышеславцевъ, Степунъ, Кандинскій и др. У Бердяева есть другое О-во, предсѣдателемъ котораго онъ состоитъ: «Академія духовной культуры». (Но «Вольфила» и «Академія» — суть братскіе антиподы и конкуренты: «Вольфила» — новаго духа, «Академія» — стараго). Духъ Dreigliederung — духъ «Вольфилы».

А[нтропософское] О-во полно теперь жизнью: произошли рѣшительныя перемѣны. [...]

Довольно. Кончаю это горькое письмо. Сдѣлаю все возможное, чтобы оно дошло до Тебя. Прощай. Б. В.

*1

Былъ часто терялъ рукописи — свои и чужія: не потому, что былъ разстѣянъ въ простомъ, обывательскомъ смыслѣ, а потому, что жилъ въ нѣкоей фантазмагоріи. Казалось, предметы, попадавшіе въ его обиходъ, подхватывались тѣмъ вихремъ, которымъ онъ самъ былъ всегда подхваченъ. Объ одномъ такомъ случаѣ чудесно рассказала Марина Цвѣтаева. Иллюстраціей къ другому мо-

жетъ быть письмо, само по себѣ незначительное, но выразительно представляющее ту суматошную смѣсь дѣйствительности съ бредомъ, которая то и дѣло заваривалась вокругъ Бѣлаго.

Въ началѣ 1923 г. издатель З. И. Гржебинъ поручилъ мнѣ составить томъ избранныхъ сочиненій Державина. Я отиѣтилъ нужные стихи по Академическому изданію, послѣ чего они были ремингтонированы. Въ то же время Бѣлый съ нашимъ общимъ переводчикомъ В. Грегеромъ задумывали издать антологию русскихъ поэтовъ на нѣмецкомъ языкѣ. Бѣлый взялъ у меня нѣсколько стихотвореній Державина, чтобы показать ихъ Грегеру, а затѣмъ уѣхалъ въ Штуттгартъ и Гарцбургъ, съ К. Н. Васильевой, будущею своею женою. Межъ тѣмъ, Гржебинъ рѣшилъ приступить къ набору книги, и я написалъ Бѣлому, прося вернуть взятые у меня листки изъ рукописи. Въ отвѣтъ получилъ я 17 іюня 1923 г. нижеслѣдующее (недатированное) письмо изъ Гарцбурга:

III.

Дорогой, милый Владиславъ Фелиціановичъ, весь день сегодня я бѣгаю по комнатамъ съ внутреннимъ жестомъ, что я схватилъ себя за голову, что я рву волосы на *) головѣ отъ отчаянія, боли, обиды за Васъ злаясь, что даже нечего мнѣ сказать въ защиту себя съ полнымъ сознаниемъ той гадости, которую я Вамъ сдѣлалъ; и безъ всякой возможности поправить бѣду; мнѣ остается одно: написать Гржебину письмо съ указаніемъ на то, что Вы въ дѣлѣ съ Державинымъ не при чемъ, а во всемъ виноватъ я. Не давайте мнѣ больше ничего: ни строчки! Я постоянно въ потопѣ бумагъ; и при всѣхъ усиліяхъ безъ секретаря я не могу справиться съ порядкомъ, барахтаюсь въ волнахъ своихъ и чужихъ рукописей съ пересыпающимися другъ въ друга архивами... Все «шесно сны й» Грегеръ, выматывавшій изъ меня матеріалы... Понимаете, что произошло? Я старательно спряталъ листки Державина въ сундукъ, уѣзжая въ Штуттгартъ; вернувшись перерылъ все — листковъ не было; и я подумалъ, что недосмотрѣлъ; при спѣшной перекладкѣ пони-

*) Сперва было «на себѣ», но зачеркнуто

шлось перекопаться въ бумагахъ скопившихся за 7 мѣсяцевъ: спѣшно; и груду дряни выбросить (съ ними и рядъ чьихъ то рукописей, которыхъ не было возможности вернуть); пришлось въ *) трехъ мѣстахъ запрятать бумаги (иныя въ несгораемый шкафъ, ключа отъ котораго у меня нѣтъ: гдѣ-то въ Центрo-Союзъ; но тамъ, ругаюсь: нѣтъ листковъ съ Державинымъ. Словомъ при генеральной разборкѣ ихъ не оказалось: и я былъ увѣренъ, что листки въ Вашемъ Лермонтовѣ; но въ Гарцбургѣ обнаружилось, что ихъ и здѣсь нѣтъ. И стало быть: они оказались въ кучѣ бумагъ, вѣроятно, выброшенныхъ... Ужасно! Я волосы на себѣ рву; если... паче чаянія я не передалъ Грегеру этихъ листковъ (навѣрное, — нѣтъ); снесите съ Грегеромъ: Wolfgang E. Gröger. Berlin-Steglitz. Sedanstr. 11. Kurfürst. 52-66 или 52-67. Я могу написать въ Москву, чтобы спѣшно выслали текстъ, если Вы тотчасъ дадите мнѣ перечень стиховъ, которые дали мнѣ: Кл. Ник. Васильева ручается за спѣшную высылку текста. Еще разъ — **) вѣрьте, что я совершенно не нахожу себѣ мѣста и покоя съ отчаянія. Не смѣю даже просить Васъ о смѣнѣ гнѣва на милость.

Совершенно несчастный Борисъ Бугаевъ.

(На верху страницы): P. S. Я не разъ страдалъ отъ такихъ «казусахъ», которыя мнѣ подносили друзья; и оттого то я, вѣрьте, переживаю съ особою болью то, что именно я подложилъ Вамъ «свинью»...

**

Въ концѣ октября 1923 г. Бѣлый уѣхалъ въ Россію. Послѣ его отъѣзда хозяйка пансіона, въ которомъ онъ жилъ весной, принесла мнѣ груду бумагъ, брошенныхъ Бѣлымъ на произволъ судьбы. Листки изъ Державина нашлись въ этой грудѣ, которая была мною тогда же передана одному лицу, положившему много труда на заботы о Бѣломъ во время его трагическаго пребыванія въ Берлинѣ. Судьба этихъ бумагъ мнѣ неизвѣстна.

Владиславъ Ходасевичъ.

*) Начато: Бер(линъ), но зачеркнуто.

**) Здѣсь было начато слово «рву», но зачеркнуто.